

Девятова О.В.*

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2018.57.129-153

Юридическая природа решений Европейского суда по правам человека

Аннотация: Права человека наряду с демократией, являются институтами первостепенной важности, однако, в ряде стран упомянутые ценности возводятся в абсолют, используются в качестве предлога вмешательства во внутренние дела отдельных стран. Соответственно все судебные институты, имеющие дело с правами человека, включая Европейский суд, зачастую, не без определенных политико-идеологических целей, искусственно идеализируются, представляются в виде неких эталонов полной объективности, честности, непредвзятости, в образе последней и решающей инстанции на пути к достижению справедливости.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека; права и свободы человека; Европейская конвенция по правам человека; юрисдикция; уголовно-процессуальное право; источники права; прецедентная практика Суда; Верховный суд РФ.

Не секрет, что при всей огромной значимости Европейского суда в защите прав человека, оценки его деятельности в целом и отдельных его решений со стороны специалистов - профессионалов в данной области весьма не однозначны. Причины этого заключаются, как в обширной деятельности Европейского суда, непосредственно связанной с защитой прав человека, так и в окружающей его международной и социально-политической среде.

---

* **Девятова Оксана Вячеславовна** - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Удмуртский государственный университет Институт права, социального управления и безопасности, г. Ижевск, Россия. E-mail: grpravo314@mail.ru

Наряду с преобладающей положительной оценкой деятельности Европейского суда и принимаемых им решений, в западной юридической и, отчасти, в социально-политической литературе имеют место довольно аргументированные утверждения о нарастающей политизации деятельности Суда. Говорится о проблемах, касающихся независимости и беспристрастности судей Европейского суда, вынесении противоположных решений при аналогичных обстоятельствах в отношении различных государств и др. Как верно отмечают О.Н. Малиновский и В.С. Кубрак, все эти проблемы подрывают авторитет Европейского суда и негативно сказываются на эффективности его работы [17, с. 57-62].

Применительно к России это весьма зримо проявляется в делах, связанных с Чечней [26, с. 1323-1336], Приднестровской Молдавской республикой и другими, получившими наиболее общественный резонанс делами [26, с. 1336-1349]. В свое время, Уполномоченный РФ при Европейском суде заявил: «Думаю, что постановление «Илашку и другие против Молдовы и России» - одна из самых черных страниц истории Европейского суда. Надеюсь, что такое постановление Европейского суда рано или поздно будет признано ошибочным самим же Судом...» [24]. Однако, подобная практика Европейского суда на сегодняшний день не редкость [2, с. 5]. Естественно, что такие решения неизбежно носят не только правовой, но и политический характер и точнее такие решения следует рассматривать не только как юридические, а как политико-правовые решения со всеми вытекающими отсюда последствиями.

По мнению М.Н. Марченко, «права человека наряду с демократией, являются институтами первостепенной важности, однако, в ряде стран упомянутые ценности возводятся в абсолюты, используются в качестве предлога вмешательства во внутренние дела отдельных стран. Соответственно все судебные институты, имеющие дело с правами человека,

включая Европейский суд, зачастую, не без определенных политико-идеологических целей, искусственно идеализируются, представляются в виде неких эталонов полной объективности, честности, непредвзятости, в образе последней и решающей инстанции на пути к достижению справедливости» [18, с. 11-19].

Точка зрения, согласно которой, права человека (несмотря на их универсальный характер) являются все же в большей степени сугубо “западными ценностями” [9, с. 78-79] достаточно часто аргументируется в отечественной литературе. Утверждается, что тема прав и свобод человека активно используется в качестве “рычага давления в международных отношениях” [16, с. 10-18].

Как отмечает А.И. Овчинников, «классический идеал европейского правового мышления невольно выступает проводником его глобализации, при чем самых негативных её тенденций и качеств» [21, с. 36-41].

В.А. Карташкин считает, что «согласно международным документам, имеющим всеобщий характер, права человека не зависят от воли государства, а являются “естественными” и “неотъемлемыми”, принадлежащими каждому с момента рождения. Международные нормы о правах человека отражают общечеловеческие ценности, и поэтому они постепенно признаются странами, многие из которых не принимали участия даже в их разработке» [10, с. 281-327; 11, с. 2-8; 12, с. 13-18].

Это свидетельствует о наличии полярных оценок к проблеме учета концепции прав и свобод человека зарубежного опыта и норм международного права в российской правовой системе. Актуальность проблемы существенно возрастает в последнее время в связи с расширением сферы международной правовой защиты прав и свобод человека, включая возможность обращения в Европейский суд. Полагаем, что в этом контексте необходимо учитывать объективно существующее противоречие между

всемирным процессом глобализации и потребностью государств сохранить собственную идентичность. В связи с этим заслуживает внимание точка зрения Н.Н.Моисеева, в соответствии с которой «в разных условиях и в разные времена разные общества находили и будут находить свою меру компромисса между свободой и равенством, соответствующую конкретным жизненным реалиям. Какие-либо общие универсальные рецепты, годные для всех времен и народов, отсутствуют» [20, с. 37-38]. Е.А.Лукашова обоснованно указывает на объективную зависимость этого процесса от таких факторов, как «социально-культурные системы, традиции и уровень благосостояния народов конкретных стран» [22, с. 55]. Аналогичный подход демонстрирует и Р.Т. Шамсон, полагающий, что «целостному пониманию концепции прав и свобод человека препятствует и целый ряд иных обстоятельств, включающий в себя различия в социальных условиях существования людей, изменение содержания прав человека в ходе исторического развития, глубокие различия в морально-правовых воззрениях в разных странах на эту проблему» [28, с. 65-66].

Следует согласиться, что «в правах человека сконцентрированы все важнейшие социальные нормы и принципы - не только правовые, но и моральные, политические и религиозные, философские, которые в различные эпохи придавали им своеобразную окраску в соответствии с экономическим строем и культурой того или иного общества». Прогресс общества невозможен, если с каждой новой ступенью развития человек не получает все больший объем прав. Как нам представляется, в данном случае необходим учет не только объективно развивающихся процессов глобализации, международной интеграции, но и традиционно сложившихся национальных особенностей и возможностью гармоничного соотношения интересов личности и государства [2, с. 99-110].

Председатель Европейского Суда Люциус Вильдхабер, затрагивая проблему соотношения права и политики, отмечал, что ситуации, когда прецедентное право Суда шло вразрез с положениями Конституций стран - участниц Конвенции, возникали очень редко. Гораздо чаще встречаются дела, которые могут быть расценены любым органом власти как сложные и запутанные. И именно в таких ситуациях некоторые критики начинают говорить о том, что Суд политизирован или заинтересован в исходе дела [6, с. 87-89].

Конечно, механизм действия Европейского суда имеет недостатки, а порой даже является источником ряда проблем. Отдельные государства нередко высказывали негативное мнение к наднациональной юрисдикции Суда применительно к защите прав и свобод, что во многом было связано с традициями национальных систем. Относительно Европейского суда, можно отметить, что он, равно как и любой иной международный или национальный институт, не возникает и не существует сам по себе, вне связей и взаимозависимостей с окружающей его социально-политической средой, включая различные государственные и межгосударственные институты. Соответственно, принимаемые им решения, объективно не могут не нести на себе отпечаток этих взаимосвязей и взаимозависимостей. Несмотря на обостренное, нередко политически и идеологически обусловленное внимание к правам человека и к Европейскому суду, следует признать, что при рассмотрении поступающих в Суд дел, он зачастую сталкивается с абсолютно реальными проблемами защиты прав человека.

По нашему мнению, права и свободы человека - один из немногих институтов, для которых характерно установление единых стандартов и координации усилий на международном уровне. Отсутствие четкой, простой и понятной процедуры реализации прав и свобод приводит к тому, что гражданин остается без надежного механизма защиты своих прав и любые

законодательные установления о правах человека превращаются «лишь в бумажные декларации» [19, с. 43-44]. Поэтому важным в нашем исследовании является определение юридической природы, содержания и характера решений Европейского Суда, что непосредственно связано с разрешением вопроса о месте решений Суда в механизме уголовно-процессуального регулирования.

В свое время попытки квалифицировать решения Европейского суда предпринимались как общей теорией права, так и отраслевыми специально-юридическими науками, в том числе и наукой уголовно-процессуального права. Однако, до настоящего времени, эта дискуссия продолжается. Представляется, что причины возникновения дискуссии связаны, во-первых, с декларативным характером отдельных норм Европейской конвенции; во-вторых, при разработке Европейской конвенции не учитывалась специфика российского права, да и сама Российская Федерация присоединилась к существующему уже несколько десятилетий международно-правовому акту; в-третьих, до сих пор в науке однозначно не решен вопрос о включении прецедентного права Европейского суда в правовую систему России и оценкой юридического значения решений Суда в качестве допустимых источников уголовно-процессуального права; в-четвертых, с нечетким определением данного вопроса в федеральном законе о ратификации Конвенции; в-пятых, с наличием противоречий между российским законодательством и нормами Европейской конвенции, прецедентными решениями Суда.

В науке уголовно-процессуального права проблема о юридической природе решений Европейского суда является далеко не новой и связана, как мы уже определили, с проблемой источников уголовно-процессуального права. В целом в юридической литературе имеется три значительно отличающихся друг от друга подхода. Первый подход ассоциируется с

категоричным отрицанием правотворческой функции Европейского суда и соответственно с отрицанием прецедентного характера принимаемых им решений. Второй подход сводится к прямо противоположному заключению сторонников первого подхода. Сторонники третьего подхода, рассматривая вопрос о юридической природе решений Европейского суда, отмечают его правотворческие функции в процессе формирования прецедентного права и то, что создаваемые им прецеденты как источники права фактически признаются не только общеевропейскими институтами, но и национальными судами [27, с. 37-39].

В чем заключается сущность решений Европейского суда, чем они являются: нормативными правовыми актами, судебными прецедентами, актами преюдициального характера или правовыми позициями, либо правовыми стандартами в области осуществления правосудия.

В правовой теории общепризнанными считаются такие источники права, как нормативно-правовой акт, правовой обычай, судебный прецедент, договор нормативного содержания. Данные источники существуют во всех правовых семьях, в каждой из которых преобладает одна форма права. Кроме этого, некоторые ученые выделяют религиозные догмы, юридическую науку и принципы права [14, с. 181]. В российской правовой системе на протяжении длительного времени судебный прецедент как источник права не признавался, хотя судебная практика играла определенную роль при разрешении сходных казусов в отсутствие нормы закона, а также учитывалась при создании законов.

Известно, что российская правовая система входит в романо-германскую правовую семью или систему континентального права, что характеризуется нормативным регулированием общественных отношений. Даже 70-летний период действия так называемого социалистического права и создание собственной правовой системы социалистических стран были

близки к континентальной правовой семье, поскольку их юридическая наука складывалась на основе римского права, признающего нормативистский подход. След этого права усматривается и в современном юридическом мире [23, с. 65].

В последнее время в отечественной юриспруденции наметилась тенденция к пересмотру учения об источниках права. Проводимые в России судебные преобразования побуждают научных и практических работников к поиску новых идей, способствующих повышению эффективности судебной власти, одной из которых выступает «законодательное закрепление судебного прецедента в качестве вспомогательного источника права» [25, с. 32-33], поскольку в правовом государстве, где «судебная власть является главным контролирующим фактором, судебная практика неизбежно становится источником права» [7, с. 49-51].

Научную актуальность и практическую значимость прецедента для правовой системы России и уголовно-процессуального права подтверждает и множество диссертационных и иных научных работ, посвященных данной тематике [4; 13, с. 10-15]. Несмотря на свое значение, доктрина судебного прецедента пока еще не получила однозначного понимания и утверждения в уголовно-процессуальной науке и практике. По мнению ряда ученых, идея использования судебного прецедента в сфере уголовного судопроизводства представляется в настоящее время несостоятельной, перспективы официального признания судебного прецедента в качестве источника права пока не ясны [5, с. 8-10], и вряд ли необходимы ломка вековых традиций и эклектическое соединение разных правовых систем. При этом в основу своих доводов противники судебного прецедента зачастую кладут позицию о том, что наличие возможности у суда творить право нарушает конституционный принцип разделения властей.

Тем не менее, анализ мнений правоведов-теоретиков и практических работников подтверждает фактическое существование судебного прецедента, создаваемого высшими судебными инстанциями. В случае отсутствия нормы права суды на практике руководствуются постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, отдельные положения которого оперативно восполняют то, что не учел законодатель. Это подтверждает существование обязанности применения судебных решений высших судебных инстанций в российской правовой системе [8, с. 21-24]. Цель разъяснений Пленума Верховного Суда РФ не только обратить внимание судов на необходимость правильного толкования законов, но и обязать разрешать дела в точном соответствии с действующим федеральным законодательством, общепризнанными принципами и нормами международного права. Именно судебная практика Верховного Суда РФ внесла значительный вклад в расширение возможностей для защиты прав граждан в уголовном судопроизводстве. Причина необходимости судебного правового регулирования лежит не в плоскости амбиций суда, претендующего на самостоятельное правотворчество, а в дефектности, пробельности законодательной базы, что создает препятствия для реализации прав и свобод в обществе. В этом смысле нормотворчество суда является вынужденным [3, с. 128].

Среди специалистов все чаще отмечается существенное влияние прецедентов Суда на судебную практику. Высшие судебные инстанции при рассмотрении уголовных дел фактически опираются на положения прецедентной практики Суда [15, с. 46-47]. Отдельные решения Конституционного Суда РФ являются яркой иллюстрацией признания прецедентного характера решений Европейского суда и возможности их использования в судебной практике.

Последние изменения в уголовно-процессуальном законодательстве позволяют вести речь о появлении прецедента и об использовании правил прецедента российской юридической техникой де-факто. Удобство прецедента очевидно. Признание прецедента де-факто требует закрепления его де-юре, это позволит более оперативно восполнять пробелы в нормативно-правовых актах, совершенствовать и укреплять судебную защиту прав и свобод человека. На юридическое закрепление судебного правотворчества как необходимое условие указывает и М.В. Кучин: «Сложившаяся ситуация в сфере нормотворческой деятельности российских судов настоятельно требует необходимой законодательной регламентации» [13, с. 14-16].

Как видим, анализ юридической мысли не исключает необходимости пересмотра в отечественной доктрине догмы об отрицании прецедента в качестве источника права и возможности возникновения его в будущем, по мере развития правовой системы. Этого требуют и наши международные обязательства и обязательная юрисдикция Европейского суда. Полагаем, что возможность применения решений Суда должна быть четко закреплена в УПК РФ.

Библиография

1. Асадова Н. Страсбург засудил Москву: Россия проиграла 11 дел в Европейском суде по правам человека // Коммерсант.-2006.-6 октября.
2. Байтин М.И. О современном понимании права // Журнал российского права. 1999. №1. С. 99-100.
3. Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999.
4. Бодров С.Ю. Судебный прецедент в системе источников российского права. Дис. канд. юрид. наук. Казань, 2004.

5. Бойцова В.В., Бойцова Л.В. Судебный прецедент: зарубежный опыт и российские перспективы //Юрист. 1999. №10. С. 100-101.
6. Вильбахер Л. Отношения между Европейским судом по правам человека и национальными судебными органами // Сравнительное Конституционное обозрение. 2007. №1(58). С. 87-89.
7. Волков К.А. Роль судебного прецедента в обеспечении судебной реформы //Юрист. 2007. №5. С. 49-51.
8. Демидов В.В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. №3. С. 21-24.
9. Звонарева О.С. Глобализация и взаимодействие цивилизаций: политико-правовые аспекты // Право и политика.-2005. № 5. С.78-79.
10. Карташкин В.А. Международная защита прав человека и процессы глобализации // Права человека и процессы глобализации современного мира. М., 2005. С. 281-327.
11. Карташкин В.А. Государство и личность в международных отношениях // Юрист-международник. 2004. №4. С. 2-8.
12. Карташкин В.А. Права человека: некоторые итоги и перспективы // Власть. 1997. №3. С. 13-18.
13. Кучин М.В. Нормотворческая деятельность судебных органов РФ и судебный прецедент // Право и политика. 2000. №5. С. 14-17.
14. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учебник для вузов. М.: Спарк, 1998.
15. Лаптев П.А. Прецеденты Европейского суда по правам человека и российская судебная практика // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2002. №1. С. 46-47.
16. Лукьянцева Г.Е. О некоторых тенденциях развития международного сотрудничества и международного контроля в области прав человека

(теоретические и практические аспекты) // Юрист-международник. 2004. №3. С. 10-18.

17. Малиновский О.Н., Кубрак В.С. К проблеме абсолютизации прав человека и их ограничений в контексте Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и российского законодательства / Общество: политика, экономика, право. Выпуск № 9, 2018, с. 57-62.

18. Марченко М.Н. Юридическая природа и характер решений Европейского суда по правам человека // Государство и право. – 2006. № 12. С. 11-19.

19. Миронов О. Права не только дают или берут – их еще и защищают // Закон. 2002. №11. С. 43-44.

20. Моисеев Н.Н. Права человека в России: декларации, нормы и жизнь // Государство и право. 2000. №3. С. 37-38.

21. Овчинников А.И. Глобализация и идея универсального правопорядка в современном юридическом мышлении // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. №2. С. 36-41.

22. Права человека и процессы глобализации современного мира / Под ред. Е.А. Лукашовой. М.: Международные отношения, 2007.

23. Рене Давид, Камилла Жофре-Спинози. Основные правовые системы современности: Пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Международные отношения, 1999.

24. Российская газета от 06 апреля 2005 г.

25. Савельева О.А. Законодательное закрепление судебного прецедента в Российской Федерации – иллюзия или реальность // Российский судья. 2005. №8. С. 32-33.

26. Судебная практика по уголовным делам Конституционного суда РФ, Верховного суда РФ и Европейского суда по правам человека (1996-2004 гг.) / Сост. Е.Н. Трикоз. – М.: Городец, 2006.

27. Тарло Е.Г. Правовой статус Европейского суда по правам человека // Современное право. 2004. №4. С. 37-39.

28. Шамсон Р.Т. Права человека и внутренняя компетенция государства // Московский журнал международного права. 2003. №2. С. 65-66.